

Ирина ФИНГЕРОВА

Рассказы для правого уха

Интервью, взятое у сыра

(о том, как удобно устроился сыр)

- Кто ты? — спрашивали его.
 - Я сыр, — отвечал он.
 - Какой ты? — спрашивали его.
 - Я питательный.
 - Откуда ты родом?
 - Из молока, — отвечал сыр, — а крестной мой отец — сычужный фермент, мать моя — природа, а любимая правнучка моя — pizza ai quattro formaggi.
 - Опиши себя тремя словами, — просили его.
 - Доблестный, мудрый, красивый.
 - Назови свои сильные стороны, — просили его.
 - Я сыр.
 - Назови свои слабые стороны, — просили его.
 - Я сыр.
 - Твои увлечения?
 - Покрывать плесенью.
- (*голос диктора: «А теперь сыр задает вопросы».)
- Кто вы? — спрашивал сыр.
 - Мы не знаем, — отвечали они.
 - Какие вы? — спрашивал сыр.
 - Мы не знаем, — отвечали они.
- Тогда сыр понял, что так дело не пойдет.
- Хотите ли вы стать сыром? — спрашивал он.
 - А это возможно? — с надеждой в голосе отзывается один из них.
 - Нет! — говорит сыр и хохочет. — Конечно, нет!

Апчхи!

Посвящается великой и таинственной психосоматике

Апчхи! Пыль. Пыль!! Аллерген! Аллэ! Провод!! Аллэ! Огурцы посолила? Апчхи! Ассоциативный ряд. У аллергия аллергия на ассоциативный ряд. И на соседней. Аллэ! Аллэ!! И на телефон. (Это называется социофобия.) Апчхи! Фобия — это греческий. Греки готовят греческий салат. Мама готовит салат. Папа не готовит салат. Потому что мама готовит салат. Аллергик не ест салат, который готовит мама, потому что у него аллергия! А у папы нет аллергии!! У аллергия аллергия на пап! Папы могут есть салат! В салате есть капуста! Капуста хрум-хрум! И латук! Латук тук-тук! Аллергику никто не тук-тук. У него аллергия на тук-тук! У него аллергия на людей. Слишком мало людей рядом, чтоб не было на них аллергии. У аллергия есть святая обитель — картонная коробка с небольшими прорезями для глаз. Он надевает её на голову каждый раз, когда хочет чувствовать себя счастливым. Потому что счастье — это безопасность. У аллергия аллергия на безопасность. (Если она живет в картонной коробке.) Но в картонной коробке хотя бы не видно его соплей, поэтому людям больше нравится, когда аллергия в коробке. Апчхи! У аллергия аллергия на коробку! У аллергия аллергия на людей! У аллергия аллергия на аллергию! Сними! Коробку! Дурак!

— Хорошо, что место оказалось свободным. Вот мальчик стоит рядом с велосипедом. Не сел. Подумал, наверное, пускай кто постарше место займет. Или с велосипедом неудобно просто? Ха, стоит, нагло ухмыляется, ветер из открытого окна трамвая ерошит его волосы, лужает семечки и прямо в окно выкидывает шелуху. Конечно, не сел. Неудобно бы ему было. Интеллигентным его точно не назовешь. Мог бы и в руку скорлупки собирать тихонечко, потом бы выкинул. Нет же, а ведь кому-то в голову могут его бывшие семечки попасть, да еще и в слюнях. Фи! Остановка. Открывается дверь. Заходит женщина с ребенком. Несколько вошедших людей заслоняют собой женщину, и я никак не могу уступить ей место. А я бы уступил, поверьте. Если бы она прямо возле меня стояла — я бы уступил. Мальчик на меня смотрит. Думает небось, что я жлоб. Что я место ребенку не уступил. А сам семечки свои лужает. А я, может, не успел. Я думал о недавней прочтенной книге — «Игра в бисер», я строил в уме интегралы, я рисовал черный квадрат в окружности зрачков вымечтанного мной образа, я думал. Я думал о том, о чем, скорее всего, все эти люди в трамвае и не задумывались никогда, и поэтому я не уступил место. Кто я? Что есть Бог? Что первично — идея или материя? Этот мерзкий маленький мальчик со своими семечками читал Эриха Фромма? А я читал. Мо-

жет быть, еще немного, и в моей голове родится гениальная мысль? А что — они? "Сколько стоит хлеб?", "какую колбасу купить?", "детей надо из садика забрать". Убого! Они смогли бы выдумать новый звук или может, аппарат, записывающий запахи? "Ольфактофон" — я бы так назвал такой аппарат. Потому что я мог бы его выдумать. Пока не выдумал, но я мог бы. Поэтому я не уступил место — ясно тебе, ты, мелкий прыщ, которому суждено вырасти в продавца мобильных телефонов, нет, скорее, менеджера (я точно знаю: вижу эти скрепленные ноги, нагловатую ухмылку, вижу, как ты щелкаешь свои семечки в открытое окно)? А может, я не прав? Может, одно маленькое доброе дело куда важнее, чем вырванное вместе с внутренностями стихотворение, нацарапанное второпях в клетчатой тетрадке в тот самый момент, когда можно было бы уступить место? Может, этот мелкий веснушчатый проходимец поступает правильной, чем я? Почему он на меня смотрит? Он понимает, он прощупывает, он судит... Следующая остановка не моя. Плевать. Я больше не могу здесь находиться. Мальчик выходит вместе со мной. Катит за собой свой сраный велосипед. Хочет упрекнуть меня: смотри, я умею кататься, я люблю жизнь. "Извините, — говорит он, — кто-то приклеил к вашей спине записку..." "Это ты? Ты сделал?" — начинаю вопить я. Мальчик пугается. Я вижу это. "Да с чего бы?! Вместо спасибо!" — бурчит он, садится на велосипед и уезжает.

Я срываю записку со спины: «Меня не существует», — гласит она. Я смотрю на свои руки — их нет, смотрю на свои ноги — их нет. Пытаюсь посмотреть вниз — рельсы. Я — трамвай. И впервые жизни я не задаю себе вопрос о смысле существования, я просто еду, я знаю свой маршрут. Жаль, что я не паровоз. Тогда я мог бы делать «чух-чух».

Пиджак злости

В одном городе жил человек, у которого был пиджак. У пиджака было много потайных карманов, в них человек хранил злость, пока у нее не заканчивался срок годности, затем сливал просроченную злость в унитаз, хорошо сметая шеткой остатки. Дело он это не любил, а потому предпочитал расходовать всю злость своевременно.

Потайные карманы этого пиджака никогда не пустовали, потому что человек, у которого был пиджак, всегда находил себе свежую злость и трогательно лелеял ее, оберегая от всяческих неурядиц, а лучше всего — от доброты, которая немедленно вызывала у злости дисбиоз.

Человек боялся, что злость состарится, станет немощной и растеряет свою силу, потому каждый вечер, ровно в шесть, он бережно наносил выхолощенные обиды на ее шершавые склизкие щупальца, как бальзам от морщин.

— Ой, как хорошо! Мазюкай, мазюкай, не жалей! — приговаривала злость и пытела.

У человека был кот. Кот частенько говорил «мяу». Злости, располагавшейся в левом кармане снизу, не нравилось, что кот такой зануда, и она постоянно критиковала его:

— Кот невероятно банален, — заявляла злость со знанием дела, — скучный, глупый кот!

Кот не был скучным, он был худым и белым. Иногда — черным. Иногда он уходил гулять, потому что у котов есть гормоны. У человека тоже были гормоны, но они не хранились в потайных карманах, они летали вокруг человека и тягали его за волосы, которых, осмелев, признавать, с возрастом становилось все меньше и меньше.

Еще у человека был другой человек с другими гормонами. Другой человек — женщина. Потому что первый — мужчина. Хотя все не обязательно. Но предположим, что дело обстояло именно так. У женщины не было пиджака с потайными карманами для злости, потому что пиджак женщины украли дети. (Но без пиджака она была не голой, а радостной.) А человек, у которого был пиджак, ненавидел детей за то, что его пиджак они оставили украденным. Он любил бросать камнями в маленького соседа из квартиры сорок два, который был ребенком и потому человек его ненавидел. А сосед любил смеяться и ковыряться в носу, а затем смотреть на свои пальцы. Еще у человека был друг. Друг всегда улыбался и тоже был без пиджака. Вообще-то все иногда болеют пиджаками. И всем предстоит обрести активный иммунитет.

Теоретически женщина тоже может укрывать у человека пиджак. Из-за гормонов, наверное. Но она не настолько сильна, чтоб уничтожить вирус пиджака насовсем. Так уж повелось в мире: некоторые живут с пиджаками, а некоторые — без. Главное — знать, что пиджак существует. Именно этот секрет я

и хочу вам поведать. Человек сливает просроченную злость дважды в день, и это время его карманы пустуют.

— Ой-ой! — вопит злость. — Олух! Ты не мог всю меня использовать, такой продукт пропадает! Высококачественная вредность! Человек сливает просроченную злость в унитаз дважды в неделю...

И женщине нужно всего лишь подгадать момент сказать: «Пошли его к черту!», «Будь счастлив», «Будь свободен», «Задай ему жару!» Если женщина не слишком разговорчива — ей можно пустить слезу. Нужно улыбаться пиджаку искренне и радостно (от этого он начинает кашлять).

— КХЕ-КХЕ! СВОЛОЧИ!

И обнять человека, на котором пиджак. Крепко, изо всех сил. Чтб ему было тепло и спокойно. Чтб победить в войне с пиджаками — обнять и быть обнятым в ответ.

Однажды жила-была костлявая старуха по имени Рг'вей. Старуха Рг'вей любила польнуть рябину и румянец на щеках тринадцатилетней девочке с лихорадкой. Сама она, будучи тринадцатилетней девочкой, любила березовый сок, изношенные башмаки и уток в пруду.

Во время осеннего равноденствия она увидела юношу, и он пришелся ей по душе настолько, что старуха Рг'вей метнула в него стрелу да попала прямо в глаз, отчего глаз его начал вытекать. Тогда все сбежались, начали тыкать в нее пальцами и верещать: "Ты, старуха Рг'вей, из-за тебя глаз юноши вытекает". А она только посмеивалась. Оплевали её всю, некоторые камнями кидали, юноша плакал и молчал, а старуха Рг'вей только посмеивалась. А затем пришла домой, к себе, легла на травяную подстилку и заплакала тоже.

Крестики-нолики

"Я свободный Нолик, весь мир у моих ног!" — думает Нолик. "Я молодой энергичный Крестик!" — думает Крестик. "У меня есть целых 9 вариантов! 9 жизней!" — думают оба.

Вдруг появляется белая рука. Выглядит она так: пять длинных пальцев, на большом — заусеница и ровноточит оборванная кутикула, на среднем — согнутый кольцом ржавый гвоздь. Рука проводит ластиком по полю. Еще раз. Еще. Крестик и Нолик боязливо съезжают в своих клетках, мир вокруг стремительно исчезает. Поля больше нет, других клеток не осталось — чистый белый лист.

"Вот и всё", — думают они. "Ах, теперь я навеки заключен в предсказуемость четырех линий заточившей меня клетки!" — горестно вздыхает Крестик. "Ой-ой, отныне я не смогу неторопливо прогуливаться в межклеточье и наслаждаться геометрической гармонией", — сокрушается Нолик. "Судя по всему, нам придется целую вечность проторчать с этими болванами", — перешептываются две Клетки.

Рука хихикает и удаляется: "Надо же! Даешь им вместо 9 вариантов бесконечность, а они хватаются за один и плачут! Чудаки!"

Монолог с камнями за пазухой

Здрасти. Здрасти-здрасти всем. У меня вот руки совсем замерзли. Суй в карманы, не суй — все равно мерзнут. Все дело в криогенезе. Без шуток. Это у меня способность такая: все вокруг превращать в лед, а людей — в ледышки. За пазухой у меня всегда камни. Раз в неделю я пополняю свои запасы: если я много хороших дел сделала, беру камни маленькие, если вела себя паршиво — приходится брать большие. Так я проявляю уважение к великому балансу. Признаюсь, бывают дни, когда я уж совсем по-свински себя веду, а потом еще и камни тяжелые не хочу брать, чтоб спина не болела. Тогда приходится высчитывать, распределять отвергнутую ответственность на несколько недель вперед. Хочется рассказать о себе, но я не слишком умею говорить. Попробую с помощью рисунков. Рисую я тушь и только на холодильнике, да и рисунок у меня лишь один — мой идеальный дом. Знаете, какая главная проблема в настоящих домах? Туалет. Вроде маленький, а бывает такой вонючий! Но в моем холодильникевом домике все совсем не так, вот почему его люблю, этот домик — жизнь, к которой я стремлюсь.

А стремлюсь я к тому, чтоб всегда было приятно, что кроме туалета есть еще целый дом.

Для этого надо учиться не чувствовать запах, это называется «быть счастливым». А если еще поест чего будет — вообще красота!

И любовь, конечно. В моем холодильникевом доме это крыша: вроде и не используешь особю, а от холода спасает. Камни мои терпеть эту любовь не могут, чуть встречу ее — поднимают шум, и приходится такие камни тяжеленные потом таскать, что легче уж отказаться от нее к чертям собачьим. Любовь-то — сплошной эгоизм, а камни мои фиксируют все, на ус мотают, а в конце недели — счет. Внутри мой холодильник тоже интересный — там хранятся испорченные продукты и нормальные. Это такая русская рулетка — что возьмешь. Главное — всегда воображать, что еда свежая, даже если от нее воротит, и есть с удовольствием. Сложно отравиться, если есть с удовольствием. Все-таки ты сам решаешь, травиться тебе или нет и какие камни с собой носить. Вот в чем штука.

Расскажу вам мой последний секрет — чашы, которые всегда врут. Я каждый день представляю время, вначале хитрила еще, помнила, на сколько представляю, но уже и забыла. Это очень удобно: я обманываю время и чувствую себя всеильной. Никуда не опаздываю или, наоборот, совершенно не успеваю.

Теперь у меня не осталось тайн. Я совершенно голая. Прохладно. Замерзла, я же говорю. Суй в карманы, не суй — не спасает. Все дело в криогенезе, без шуток.

Это у меня способность такая — все вокруг превращать в лед, а людей — в ледышки.

Мир такой большой, я всё время пытаюсь помнить, какой он большой и как это здорово.

Но если честно, лучше бы он был маленький. Маленький и понятный как раз для такого маленького человека, как я. Чтоб там не было ничего лишнего, а весь мусор исчезал сам по себе.

Еще желательное руководство по эксплуатации. Хотелось бы знать, как правильно прожить жизнь. А чтоб делать что-то правильно, и только так, дело должно быть не слишком большим. Иногда я люблю помечтать. О том, что когда-нибудь я стану гигантской, такой огромной, больше, чем завод по производству детского питания или любой другой завод, буду просто невероятных размеров. Но на самом деле я этого боюсь. Мне бы поменьше быть, помещаться в спичечный коробок или тюльпан. Как прекрасно и сладко было бы там засыпать и просыпаться. Как и у всех остальных людей на свете, у меня есть мозг, которым я не умею пользоваться. И мой мозг рождает чудовищ, рождает чудеса, миллионы других измерений, я путешествую во времени в пространстве, он постоянно жрет, а кормлю я его не слишком хорошо. Часто мы с ним едим фаст фуд, но ладно уж — это хотя бы вкусно, а бывает ведь, и нередко, что мы просто жрем металлолом, стекловату, кучу ненужной и невкусной использованной туалетной бумаги. Я рада, что мы с мозгом есть друг у друга.

Я всем говорю, что люблю правду. Люблю реальность. И думать тоже люблю. Такое вранье. Я бы хотела быть стулом или столиком, даже подсвечником. Чем угодно на самом деле.

Думать вообще-то неприятно, столько всего неприятного приходится делать, когда ты маленький человек, который хочет быть большим, а еще больше — быть маленьким.